

Неоязыческая социальная утопия в интерпретации фольклора Л.Р. Прозоровым

Никита А. Кутявин

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, nikitakutyavin@yandex.ru*

Аннотация. В статье выявлены основные черты, характеризующие идеальное общество прошлого, с точки зрения одного из известнейших современных российских неоязыческих публицистов – Льва Рудольфовича Прозорова.

Исследование нарративов данного автора позволяет сформулировать целостную картину древнеславянского общества, выступающую в его мировоззрении в виде своеобразного «золотого века».

Особое место в творчестве Прозорова занимает конструирование образов прошлого на основании фольклорных источников: былин, сказок, духовных стихов, пословиц и поговорок. Именно с их помощью он описывает свою социальную утопию, одновременно добавляя своим историческим взглядам большую весомость, по сравнению с некоторыми другими неоязыческими авторами.

Тем не менее автор статьи приходит к выводу, что аргументация Л.Р. Прозорова нередко входит в противоречие с используемым фольклорным материалом, а конечная картина прошлого в его работах вдохновлена современным традиционалистским дискурсом и отчасти пересекается с концепцией «ур-фашизма» У. Эко.

Ключевые слова: Лев Рудольфович Прозоров, Озар Ворон, инструментализация истории, фольклор, неоязычество, интегральный традиционализм, ур-фашизм

Для цитирования: Кутявин Н.А. Неоязыческая социальная утопия в интерпретации фольклора Л.Р. Прозоровым // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 114–125. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-114-125

Neo-pagan social utopia in L.R. Prozorov's interpretation of folklore

Nikita A. Kutuyavin

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia,
nikitakutyavin@yandex.ru*

Abstract. The article describes the main features that characterize the ideal society of the past as viewed by a most famous contemporary Russian neo-pagan publicist, Lev Rudolfovich Prozorov.

The study of this author's narratives allows us to form an image of the Old Slavic society, which occupies the place of a kind of "golden age" in his worldview.

A special place in Prozorov's works is occupied by images of the past constructed on the basis of folklore sources: epics, fairy tales, spiritual verses, proverbs, and sayings occupies a special place in Prozorov's works. Using exactly that technique he describes his social utopia, while adding a greater weight to his historical views, compared with some other neo-pagan authors.

Nevertheless, the author of the article comes to the conclusion L.R. Prozorov argumentation often comes into conflict with the folkloric material used by the author, and the final picture of the past in his works is mostly inspired by the contemporary traditionalist discourse and partly overlaps the concept of "Ur-Fascism" by U. Eco.

Keywords: Lev Rudolfovich Prozorov, Ozar Voron, instrumentalization of history, folklore, neo-paganism, integral traditionalism, Ur-Fascism

For citation: Kutuyavin NA. Neo-pagan social utopia in L.R. Prozorov's interpretation of folklore. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;9:114-25. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-114-125

Лев Рудольфович Прозоров (иногда использующий псевдоним Озар Ворон) – известный российский писатель, автор многочисленных художественных и историко-публицистических книг. Также он является сторонником неоязыческой идеологии, одним из апологетов современного славянского «родноверия». Свои политические взгляды он обозначает как «русский НС» [1]. Работы Л.Р. Прозорова выпускаются многочисленными тиражами. Исто-

рик по образованию, он стремится обосновать свои религиозные и историософские взгляды с помощью исторических источников и научной литературы, что во многом выгодно отличает его от иных представителей неоязыческой среды, не сдерживающих свою фантазию при описании прошлого никакими рамками. Тем не менее, многие его исторические концепции вызывают вопросы и сомнения.

Несмотря на то, что в последние годы исследования по истории неоязыческой идеологии достаточно активно развиваются, взгляды Л.Р. Прозорова в имеющейся историографии затрагивались лишь фрагментарно. Например, В.А. Шнирельман продемонстрировал в одной из своих монографий, как Прозоров развивает националистический «хазарский миф» [2 с. 141–144]. Причиной сравнительно небольшого исследовательского внимания может служить относительная отстраненность Озара Ворона от организационных структур современных неоязычников, однако благодаря многочисленным изданиям и переизданиям его книг идеологическое влияние этого автора может быть даже более существенным, чем у иных общинных лидеров.

В данной статье речь пойдет о том, как в исторической публицистике Прозорова представлено древнеславянское общество, выступающее в его мировоззрении своего рода «золотым веком». Поскольку исследуемый автор является популярным националистическим публицистом, в качестве теоретических и методологических рамок исследования его нарративов имеет смысл опираться на этнический конструктивизм в изложении Б. Андерсона, известного своими работами о национализме, а также на концепцию ур-фашизма У. Эко.

При создании своей репрезентации прошлого Прозоров активно пользуется фольклорными материалами, и делает он это по ряду причин. Во-первых, его собственная специализация была связана с фольклором. Тема его незащищенной кандидатской диссертации: «Социокультурная архаика в русском былинном эпосе» [3]. Во-вторых, к этому подталкивает сравнительно небольшое количество источников, способных дать информацию о дохристианской культуре славян. И в-третьих, фольклор – один из самых открытых для интерпретации жанров, а значит, его легко можно использовать в целях инструментализации истории. Используя фольклорные тексты, Л.Р. Прозоров освещает такие темы, как космогенез и антропогенез в славянском язычестве, представления о социальной стратификации, языческий взгляд на исторический процесс и отношения древних славян с окружающими народами. Складываясь воедино, представления Прозорова формируют у читателя

целостный образ древнеславянского общества и мировоззрения его типичных представителей. Далее мы попробуем проследить, как именно складывается этот образ.

Поскольку речь идет о модели традиционного общества, абстрактные религиозные постулаты напрямую влияют на общественное устройство. Фундаментом древнеславянского мировоззрения у исследуемого автора оказывается так называемый «манifestационизм», который противопоставляется христианскому креационизму. Хотя Прозоров называет эту дихотомию «научной», не секрет, что ее реальный создатель – эзотерик и религиозный писатель Рене Генон, теоретик так называемого «интегрального традиционализма». Судя по всему, Прозоров осознает, что отсылка к подобному автору удешевляет его работу, из-за чего ссылки на Генона и других традиционалистов в его работах отсутствуют, хотя он почти всегда включает в работы библиографический раздел. Единственный автор, хоть как-то связанный с традиционализмом, которого можно найти в списках литературы – Мирча Элиаде («мягкий традиционалист», в терминологии М. Сэдживика [4 с. 189]), но в его указанных работах эта дихотомия не представлена. Указав на манифестационизм как на основу космогонических представлений славян, Прозоров приводит в подтверждение текст «Голубиной книги»:

Оттого зачался наш белый свет –
От святого духа Сагаофова;
Солнце красное от лица Божья;
Млад ясен месяц от грудей Божьих;
Утренняя заря, заря вечерняя
От очей Божьих... [5 с. 100].

По мнению исследуемого автора, данный отрывок доносит до нас языческую космогонию в представлении древних славян, не смотря на упоминание библейского имени Бога. Он уверен – ранее подразумевалось, что речь идет о боге Роде, которого он считает кем-то вроде славянского единого Бога, опустошившего себя в акте манифестации мироздания. В акте творения Род пожертвовал своей «цельностью», следовательно, мир – его жертвенный дар. На его жертве основан миропорядок – рота, блюсти который должны славянские политеистические боги, «главные после Рода». Свою концепцию бога Рода он почти полностью заимствует у Б.А. Рыбакова, со ссылками на те же источники («...всему бо есть творец Бог, а не Род»). От себя он добавляет, в подтверждение наличия у славян монотеистического Божества, цитаты из Прокопия Кеса-

рийского и Гельмольда из Босау. Из первого возникшего существа, в свою очередь, образуются социальные страты:

Оттого у нас в земле цари пошли –
 От святой главы от Адамовой,
 Оттого зачались князья-бояре –
 От святых мощей от Адамовых,
 Оттого крестьяне православные –
 От свята колена от Адамова [5 с. 119].

Древнеславянское общество оказывается органицистским, представляющим из себя единое тело. К тому же, легко обнаруживая параллель с индийским мифом о Пуруше, Прозоров выводит из этого стиха и существование кастовой системы. В подтверждение этой идеи используются и тексты былин. Например, Добрыня, отказывающийся жениться на спасенной от змея княжне:

Вы есть нынче роду княженетского,
 Я есть роду крестьянского,
 Нас нельзя назвать же другом да любимым [5 с. 122].

Также он пытается проиллюстрировать этот тезис спором между богатырями о том, кто должен ехать биться с Жидовином, который решается апелляцией к происхождению того или иного претендента.

Еще одной характерной чертой древнеславянского общества, с точки зрения Прозорова, является расовое мышление. Не в одной его книге встречается сетование на то, что некоторые люди верят в «распространенное заблуждение, что смешанная кровь улучшает качества человека» [5 с. 333]. Его огорчает, что в отечественном правом дискурсе еще со времен славянофилов почвенничество, а не принцип крови, оказывается во главе угла.

Писатель выделяет три основные группы инородцев, представленные в былинах: белых индоевропейцев (земля Ляховецкая, земля Поморьянская, земля Тальянская), восточные народы (Золотая Орда, Турец-земля, царство Задонское) и финно-угров. Затем он анализирует былинные тексты, выискивая в них две основные темы – войну, которая означает враждебность, и матримониальные отношения, которые говорят об этнорасовой приязни. Войны со степняками оказываются основной темой былин, а в отношении Запада он обнаруживает множественные примеры «брачных» отношений (невеста Дуная из Ляховецкой земли, невеста Свя-

тогора – из Поморьянской, Илья Муромец и тальянская вдова). Матримониальные связи с представителями востока наоборот табуированы, откуда многочисленные примеры самоубийств славянок, связанных со стремлением не попасть в руки инородцев. По мнению Прозорова, это табу распространяется и на связи с финно-уграми, что он иллюстрирует отказом девушки из баллады «Гибель полонянки» выйти за мордвина, перевозившего ее через реку [6]. Все это в дискурсе автора обозначается как здоровое «расовое чутье» [5 с. 413]. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что подобные взгляды выводят Прозорова за рамки классического европейского национализма, возникшего в XVIII в. и роднят с колониальным расизмом, с присущими ему псевдоаристократизмом и «солидарностью между белыми» [7 с. 252].

Византия тоже оказывается среди сил, враждебных славянам. Прозоров упоминает былинку «Богатырское слово» как пример «...отношения русов к Византии и ее кочевникам боголюбивичам, прикармливавшим и науськивавшим на Русь и Киев хищных тугаринов змеевичей и идолов скоропеевичей» [5 с. 231]. Вообще, Византия приобретает местами inferнальные черты. Описывая поездку русского посольства в Константинополь, писатель утверждает, что «...язычникам ароматы порта могли навеять мысли о сказочной Смородине – реке, отделявшей мир людей от владений Кошея, Чуда-Юда и прочей нежити» [5 с. 200].

Географически «утопия» Прозорова в точности не определена, поскольку, как историк, он все же описывает историческую, а не вневременную реальность, в которой территории, занимаемые народами, переходят из рук в руки в результате войн и миграций. Однако определенный сакральный центр у нее есть – это остров Рюген, отождествляемый с Буяном из заговорных формул, «святыня святынь славянского язычества» [8 с. 335]. Хронологически «золотой век» славян не ограничивается в прошлом, растворяясь в общинноевропейской истории, зато можно выделить примерный момент его завершения – 60-е гг. XII в., когда было разрушено капище на Арконе. Такой взгляд на время является характерным для националистических дискурсов, ведь, как пишет Б. Андерсен, «нации... всегда как бы выплывают из незапамятного прошлого» [7 с. 54]. Имеющему место в истории процесс угасания славянской языческой культуры Прозоров находит обоснование в традиционалистском инволюционизме: «Либо ты веришь в прогресс – либо исповедуешь культ предков. Тут уж одно из двух. Прогрессизм и язычество – несовместимы. Тот, кто утверждает, что совмещает их, лжет или заблуждается» [8 с. 52].

Слово «новый», по мнению Прозорова, связано с «навбим» миром, миром тьмы и мертвецов. Он приводит в подтверждение наличия подобных взглядов у славян поговорку: «Были люди божики... теперь – пыжики, а будут – тужики; эти петуха впятером резать будут» [8 с. 51]. Кроме того, он упоминает народное этимологическое представление о том, что мир утверждён на четырех огромных рыбах, которые уплывают постепенно, одна за другой, и «...мир... все больше погружается в хляби тьмы» [8 с. 51]. Он проводит параллель между этими мотивами русского фольклора и историсофскими системами индуизма и древней Греции (Гесиод), где эпохи сменяют друг друга и одна становится хуже другой. Современность он воспринимает, соответственно, как «железный век» и «кали югу». Наконец, он часто привлекает образы из скандинавской мифологии, утверждая, что христианская церковь воспринималась северянами как корабль Нагльфар, а Иисус Христос – как трикстер Локи, тем самым ее появление на историческом горизонте становится признаком Рагнарёка [5 с. 173].

На уровне конкретных исторических тенденций упадок языческой славянской утопии связывается как с внешними, так и с внутренними факторами. Внутренним фактором оказывается в очередной раз заимствованная из традиционализма Генона идея «кшатрийского бунта» [9 с. 65–69], хотя само словосочетание в книгах писателя не обнаруживается. Восстание военной элиты против духовной происходит в результате нарушения табу, на которых строится общество – то есть принципов кастовости и расовой чистоты. Так, например, польский князь Мешко принимает христианство и низвергает авторитет волхвов, поскольку происходит из рода крестьянина Пяста, а князь Владимир делает то же самое на Руси, поскольку он, по мнению Прозорова, слепо доверяющего авторитету Емельянова и Добровольского (Доброслава), был сыном Святослава от хазарской рабыни, а значит полукровкой. Внешний враг – иудео-христианская культура, некий совокупный «юг», противостоящий языческому «северу». Поскольку Прозоров придерживается инволюционистского взгляда на историю, то основной объект его критики, Хазарский каганат, приобретает черты общества Модерна:

Одинаковые дома. Одинаковые украшения. Одинаковая посуда. Одинаковое оружие и орудия мирного труда. И опять просытятся на язык слова XX века: массовое производство, рынок, унификация, стандарт [5 с. 248].

Оглянитесь на завершённый портрет. Посмотрите, сколько знакомого людям нашего времени. Тут и замаскированная под демократию

власть финансовых корпораций, и оруэлловское «равенство» народов и вер («но некоторые равнее...»); тут и наемная армия, тотальная война, геноцид; тут и апартеид, и идеи национально-расового превосходства; террор и интрига как основные средства политики; массовое, ориентированное на рынок производство, порождающее стандартизацию жизни.

Когда-то советские журналисты любили оборот «логово реакции». Хазарский каганат достоин имени логова прогресса [5 с. 249–250].

Именно враждебность славян к притеснявшим их хазарским иудеям, по мнению писателя, отражена в былинных образах Чуда-Юда, богатыря Жидовина, Царица-Кошерица (в авторской орфографии Прозорова – *Кошерице*) [5 с. 251] и даже Идолица Поганого (у Прозорова – *Иудолице Коганое*) [5 с. 272]. Мечь хазарам за иго, показывающая особенно презрительное отношение славян к ним, по мнению Прозорова, показана в былине «Федор Тырянин»:

Расступалася Мать Сыра Земля
 Как на все четыре стороны.
 Пожирала в себя кровь жидовскую,
 Жидовскую, басурманскую,
 Царя иудейского [5 с. 286].

Таким образом, идеальное языческое общество в представлении Л.Р. Прозорова построено следующим образом: это органическое сообщество, строго иерархическое, состоящее из каст, напоминающих индийские, настроенное радикально против экзогамии в отношении восточных народов. Это общество, в силу принципа инволюционизма, господствующего в сакральном времени язычества, постепенно приходит к упадку в результате нарушения принципов, на которых оно зиждется, и козней враждебных сил. Тем не менее, поскольку языческое время циклично, Прозоров приветствует то, что «...крепкие славянские парни бреют наголо головы, словно дружинники Святослава, татуируют руки, как и они, и называют голубоглазых сынишек в честь последнего полубога Руси» [5 с. 502]. Читатели Прозорова тем самым становятся вровень с древними кшатриями, а сам автор, в конструируемой им реальности, оказывается брахманом – неслучайно он особо чтит бога Велеса и акцентирует внимание на его роли покровителя волхвов.

Необходимо отметить характерные особенности подачи материала Л.Р. Прозоровым. Во многих случаях, когда речь заходит о достаточно дискуссионных вопросах, он предлагает лишь одну вер-

сию из многих. Так, например, теория о главенствующей роли бога Рода многократно критиковалась в исследовательской литературе. Да и сама методология, используемая Прозоровым, а именно сравнительно-исторические параллели (например, с балтским Диевасом), может привести к совершенно иным результатам, чем в его книгах. Род представлен у Прозорова как *deus otiosus* славянского язычества, таким же был и балтский Диевас. Однако культ Рода и рожаниц был включен в годичный цикл народных религиозных практик, в то время, как к *deus otiosus* обращаются лишь в крайнем случае. Большинство исследователей славянского язычества пишут о том, что Род был божеством, отвечавшим за судьбу новорожденного, в то время как Диевас это «бездеятельный небесный бог» [10 с. 249]. К тому же в древнерусском обществе культ Рода и рожаниц был распространен среди женщин, а в архаических обществах нередко сущность верховного «праздного» Бога раскрывается только мужчинам, прошедшим возрастную инициацию. Вероятнее всего, место этого божества у славян занимал Дий, связанный с Диевасом даже лингвистически.

Акт творения, представленный в «Голубиной книге», является далеко не единственной народной версией происхождения мира. Широко распространен сюжет о дуалистической космогонии, где дьявол помогает Богу достать землю со дна мирового океана. Невозможно с уверенностью сказать, какой миф о творении превалировал в дохристианский период среди славян, но Прозоров сознательно выбирает тот вариант, который ближе к индуистскому мировоззрению, с которым он постоянно проводит параллели.

Кастовое деление древнеславянского общества противоречит многим примерам из былин, которые приводит сам Прозоров. В процитированном отрывке с отказом Добрыни жениться на княжне это можно с легкостью заметить, ведь Добрыня «роду крестьянского», но является богатырем, то есть представителем воинского сословия. Также постулируемое Прозоровым расовое мышление у древних славян не оказывается очевидным, даже если мы обратимся к приводимым цитатам из фольклора. Очевидно, что степняки оказываются врагами славян, а славянки девушки предпочитают самоубийство полону, но неприязнь к чужакам совершенно не обязательно мотивирована расовой принадлежностью. Причиной может быть и религиозная неприязнь, неприятие чужих моральных принципов, чужой культуры. По понятным причинам само слово «раса» отсутствует в былинах. Зато иногда в них можно встретить призывы к своего рода этнической «терпимости», например, в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник», где родители наставляют Илью:

Бог тебя благословит, наше чадо милое,
Поезжай ты, наш Илеюшко, во стольный Киев-град,
Злом не мысли на татарина,
А тем паче на крестьянина [11 с. 77].

Антисемитизм, который писатель пытается найти в былинных текстах, вряд ли на самом деле был свойственен славянам в дохристианский период, поскольку у них не было причин отличать рядовых жителей Хазарского каганата от иудейской элиты, в отличие от современных представителей праворадикального дискурса, чья идеология подпитывается легкодоступными в современном информационном пространстве пересказами «кровавого навета». Его попытка показать особое презрение славян к хазарам через отрывок из «Федора Тырянина» не выглядит убедительной, если учесть, что похожий стиль изложения применяется и безотносительно еврейства или Хазарии, например, в связи с победой Добрыни над Змеем:

«Росступись-ко, матушка сыра земля,
На четыре росступись да ты на четверти!
Ты пожри-ко эту кровь да всю змеиную!»
Росступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную [11 с. 73].

Этот момент в творчестве Прозорова нельзя не признать анахронизмом, переносящим идеологический конфликт из современного мира в древнеславянскую историю. Появление этого анахронизма вызвано, вероятнее всего, использованием идей интегрального традиционализма. Иудеи оказываются носителями ценностей грядущего Модерна, разрушающего традиционалистский «золотой век».

В конечном итоге приходится признать, что как в вопросах методологического характера, так и в плане выбора фольклорных источников и цитат из них Л.Р. Прозоров крайне избирателен. Нетрудно заметить, что представленное им в статьях и книгах идеальное славянское общество выглядит скорее как мифологический образ, нежели серьезная репрезентация прошлого. Необходимость в подобном образе возникает перед современными неоязычниками постольку, поскольку их мировоззрение ориентировано на возрождение языческого «золотого века», но невозможно возродить то, что ты плохо себе представляешь. Неоязыческая утопия Прозорова обладает целым рядом черт, характеризующих фашизм в широком смысле, «ур-фашизм», как его обозначил У. Эко. Из перечисленных им четырнадцати признаков, социальный идеал исследуемого

автора включает в себя половину: культ традиции, неприятие модернизма, расизм, опора на социально фрустрированных сограждан (молодых националистов), неприязнь к пацифизму, популистский элитаризм, антидемократизм. Хотя, как пишет У. Эко, достаточно наличия даже одной такой характеристики, «чтобы начала конденсироваться фашистская туманность» [12 с. 83].

Литература

---

1. Лев Прозоров (Озар Ворон) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perunica.ru/ozar/900-lev-prozorov-ozar-voron-knigi.html> (дата обращения 14 апр. 2018).
2. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. 312 с.
3. Интервью с Озаром [Электронный ресурс]. [URL: <https://www.perunica.ru/ozar/1112-intervyu-s-ozarom.html>] (дата обращения 14 апр. 2018).
4. Сэджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 536 с.
5. Прозоров Л.Р. «Иду на вы!»: Подвиги Святослава. М.: Язуа-пресс, 2013. 512 с.
6. Озар Ворон. Раса и этнос в былинах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perunica.ru/ozar/1398-rasa-i-yetnos-v-bylinax.html> (дата обращения 14 апр. 2018).
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
8. Прозоров Л.Р. Как утопили в крови Языческую Русь: Иго нового Бога. М.: Язуа-пресс, 2015. 352 с.
9. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М.: Беловодье, 2015. 208 с.
10. Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. М.: Академический проект, 2014. 382 с.
11. Российская история в зеркале русской поэзии: Русь Рюриковичей в былинах и песнях. М.: Наука, 2011. 517 с.
12. Эко У. Пять эссе на темы этики. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 192 с.

References

---

1. Lev Prozorov (Ozar Voron) [Internet]. [data obrashcheniya 14 Apr. 2018]. URL: <http://www.perunica.ru/ozar/900-lev-prozorov-ozar-voron-knigi.html> (In Russ.)
2. Schnirelmann V. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury, Gesharim Publ.; 2012. 312 p. (In Russ.)
3. Interview with Ozar [Internet]. [data obrashcheniya 14 Apr. 2018]. URL: <https://www.perunica.ru/ozar/1112-intervyu-s-ozarom.html> (In Russ.)

4. Sedgwick M. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2014. 536 p. (In Russ.)
5. Prozorov LR. "I'm coming after you!": Svyatoslav's feats. Moscow: Yauza-press, 2013. 512 p. (In Russ.)
6. Ozar Voron. Race and ethnos in epics [Internet]. [data obrashcheniya 14 Apr. 2018]. URL: <http://www.perunica.ru/ozar/1398-rasa-i-yetnos-v-bylinax.html> (In Russ.)
7. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; 2016. 416 p. (In Russ.)
8. Prozorov LR. How Pagan Rus was drown in blood. Iron heel of the new god. Moscow: Yauza-press Publ.; 2015. 352 p.
9. Guenon R. Spiritual Domination and Temporal Power. Moscow: Belovod'e Publ.; 2015. 208 p. (In Russ.)
10. Eliade M., Culianu I. The Eliade Guide to World Religions. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2014. 382 p. (In Russ.)
11. Russian history in the mirror of Russian poetry: Rus of Rurikovich in epics and songs. Moscow: Nauka Publ.; 2011. 517 p. (In Russ.)
12. Eco U. Five moral pieces. Moscow: Astrel' Publ.; Corpus Publ.; 2012. 192 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Никита А. Кутявин, аспирант, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия; Россия, Ижевск, 426034, ул. Университетская, д. 1; nikitakutyavin@yandex.ru

Information about the author

Nikita A. Kutuyavin, postgraduate student, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; bld. 1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia; nikitakutyavin@yandex.ru